

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

УДК 94(47)"17/1917"

М.В. Батшев

Переписка А.Н. Попова и Е.А. Свербеевой как источник реконструкции повседневной жизни московских славянофилов 40–50-х годов XIX века¹

В статье рассматривается до сих пор не введенный полностью в научный оборот комплекс переписки (эпистолярных источников) участников московского славянофильского кружка 40–50-х годов XIX века. На основании данных писем и уже известных в науке источников личного происхождения предлагается авторская реконструкция отдельных эпизодов истории существования московского славянофильского кружка.

Ключевые слова: А.Н. Попов; Е.А. Свербеева; московские славянофилы; документы личного происхождения; переписка; источниковедение; источник.

Повседневная жизнь московских интеллектуалов как западнического, так и славянофильского толка протекала в постоянном общении между собой. Это общение создавало важную для них атмосферу интеллектуальной среды, в которой вырабатывались принципиальные идеи и происходил обмен мнениями. В постоянном общении укреплялись и личные дружеские связи единомышленников. «В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А.П. Елагиной», — писал об этом движении в «Былом и думах» А.И. Герцен [4: IX, с. 156].

Одним из мест, где происходило интенсивное общение интеллектуалов, был общественно-литературный салон Свербеевых. Он появился в Москве в начале 1830-х годов и просуществовал с перерывами до 1860-х. В нем, как и в других общественных институциях Москвы XIX века, большую роль играли женщины. Хозяйкой салона была Екатерина Александровна Свербеева, урожденная княжна Щербатова, в 1826 году вышедшая замуж за отставного дипломата Дмитрия Николаевича Свербеева.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 18-09-00056А «Документальное и эпистолярное наследие А.Н. Попова».

У семьи Свербеевых в московском обществе того времени было уникальное положение. Дмитрий Николаевич был дальним родственником Языковых и А.С. Хомякова, а также аристократических фамилий. Екатерина Александровна была двоюродной сестрой Петра Яковлевича Чаадаева. Кроме того, у супругов Свербеевых сложились прекрасные отношения с братьями Александром и Николаем Тургеневыми. Особо их сблизило заграничное путешествие 1833 года. В дальнейшем, во время своих приездов в Москву, Александр Тургенев всегда находил теплый и радушный прием у всего семейства, и даже был крестным отцом одного из сыновей Свербеевых [5: IV, с. 316].

В начале 1830-х годов супруги решили устроить у себя приемные дни и приглашать на них своих многочисленных друзей и знакомых. Так постепенно возник один из знаменитых московских литературных салонов, который просуществовал несколько десятилетий. Вечера у Свербеевых привлекали людей, которые хотели завести знакомства и связи среди московских аристократов и интеллектуалов. Одним из таких людей был историк и писатель М.П. Погодин. В их доме он получил первые уроки светского общения [3: IV, с. 38]. Здесь же Михаил Петрович прочитал однажды собравшимся свою запрещенную к публикации драму «Петр I» [3: IV, с. 17–18].

К концу 1830-х годов салон уже прочно занял свое место в «светском графике» Москвы. «По пятницам мы собираемся у Свербеевых, по воскресеньям у Киреевских, иногда по четвергам у Кошелевых, и время от времени у Боратынского. Два-три раза в неделю мы все в сборе; дамы непременно участницы наших бесед, и мы проводим время как нельзя веселее: Хомяков спорит, Киреевский поучает, Кошелев рассказывает, Боратынский поэтизирует, Чаадаев проповедует или возводит очи к небу, Герке дурачится, Мещерский молчит, мы остальные слушаем; подчас наша беседа оживляется хором цыган, танцами, беганьем взапуски» [3: III, с. 195–196].

В конце 1830-х годов в доме Свербеевых появляются молодые студенты Московского университета, которых иногда называют младшими славянофилами и среди них Александр Николаевич Попов. Он родился в 1820 году. Окончил Рязанскую гимназию. Поступил в Московский университет на юридический факультет, который окончил со званием кандидата. Во время учебы в университете Попов жил в одном доме с А.С. Хомяковым, постоянно общался с ним и именно там познакомился со многими московскими интеллектуалами, в том числе, вероятно, и со Свербеевыми. Среди учителей Попова в университете был Михаил Петрович Погодин. К своим ученикам он относился с пристрастием, внимательно следил за их научными достижениями. Посетив экзамен, который сдавали А.Н. Попов и К.Д. Кавелин, профессор заметил: «Они ребята хорошие, особенно первый, но шарлатанства много» [3: V, с. 382].

Попов пытался остаться в университете в качестве преподавателя, но этим планам не суждено было осуществиться, поэтому он был вынужден уехать на службу в Петербург, где в свободное от служебных обязанностей время занимался историческими исследованиями. Деятельность на поприще истории

впоследствии прославила ученого. Библиография его научных трудов довольно обширна, но мы не будем сейчас на ней останавливаться.

В центре нашего внимания находится часть его эпистолярного наследия — письма, адресованные Е.А. Свербеевой, и ее ответные послания. Они отложились в двух делах фонда Свербеевых (Ф. 472), который хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)². В составе этого фонда имеются два дела: № 642 («Письма Попова к Свербеевой») и № 617 («Письма Свербеевой к Попову»). В данных делах представлены не оригиналы писем, а их машинописные копии. Копии писем выполнены не в хронологической последовательности, а в произвольном порядке. На части писем отсутствуют даты и не указаны адресаты посланий. Часто адресата можно определить только из общего контекста послания. Письма охватывают период с середины 1840-х до начала 1860-х годов. Местонахождение рукописных оригиналов писем пока неизвестно.

Богаты новыми подробностями письма, относящиеся к 1845–1846 годам. Одной из сквозных тем, которые обсуждают Попов и Свербеева в переписке, были смерти их близких друзей — Д.В. Валуева, А.И. Тургенева, Н.М. Языкова. Из перечисленных лиц Дмитрий Владимирович Валуев был дальним родственником мужа Екатерины Александровны, и Свербеевы принимали активное участие в его судьбе.

Одно из писем Свербеевой, сохранившееся в деле, дает дополнительную информацию о попытках дружеского кружка московских славянофилов облегчить страдания больного чахоткой Валуева. «Панов едет с Экстра-почтой в Новгород — спешу Вас известить об этом» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 18). В этом же довольно сумбурном письме Свербеева просит и Попова поехать поддержать Валуева, но потом с сожалением вспоминает, что тот только поступил на службу и ему нельзя покидать Петербург.

До настоящего времени единственной документальной публикацией, позволяющей узнать подробности последней поездки Валуева, являлась публикация в «Хмелитском сборнике» [2: с. 24–38]. В ней представлены пять писем В.А. Панова к А.С. Хомякову и два письма старшего сына Свербеевых Николая к А.С. Хомякову. Панов подробно рассказывает об обстоятельствах смерти Валуева в Новгороде и подготовке к его похоронам в этом городе. Свербеев информирует отсутствующего в Москве Хомякова о событиях в их доме и о переживаниях родителей. Однако в письмах и в предисловии к ним не указано, что инициатором поездки Панова для помощи умирающему другу была Екатерина Александровна.

Имеющиеся в переписке Свербеевой и Попова свидетельства позволяют сделать представления исследователей об этом событии более полными.

² В «Литературном наследстве» (М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58) увидели свет фрагменты из писем Е.А. Свербеевой к А.Н. Попову о Н.В. Гоголе. Недавно фрагменты этих же писем были перепечатаны в подготовленном И.В. Виноградовым издании «Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание в 3 т.» (М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013).

Еще в одном письме она сообщает Попову об общих друзьях, проявивших дружеское участие к Валуге. «Мы получили два дня тому назад письмо о Валуге от Своехотова, из Новгорода от 9-го ноября. Они там остановились отдохнуть, Валуге очень ослаб от дороги, писать хотел из Пскова и Варшавы. Доедет ли и туда?» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 19).

Одним из главных персонажей упомянутого выше эпистолярного собрания является Александр Иванович Тургенев. Как уже упоминалось, в 1830–1840-х годах он вел кочевую жизнь, проживая то в России, то в Европе. Находясь в Москве, он часто бывал у Свербеевых, а случалось, что и проживал в их московском доме или в подмосковной усадьбе Солнышково. Попов обратил на себя внимание Тургенева диссертацией об Августе Людвиге Шлёцере (Александр Иванович слушал лекции Шлёцера в Геттингенском университете и сохранил к нему очень теплое отношение), о чем Тургенев несколько раз с восторгом писал своему лучшему другу, князю П.А. Вяземскому, прося его поддержать Попова в столице. Он представляет Попова как скромного, благородного, образованного, трудолюбивого молодого ученого [5: IV, с. 330]. О восторге Тургенева от книги о Шлёцере Попов пишет Свербеева: «Помните, как утешило его чтение вашего прекрасного труда о Шлёцере, как искренне он радовался им и оценил его верно» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 19).

Кроме Вяземского Тургенев написал и Константину Степановичу Сербиновичу, который служил в свое время под его началом, а в 1840-е годы являлся редактором «Журнала Министерства народного просвещения» [1: с. 459]. В ответ на это письмо Тургенева Попов писал Свербеевой: «Александр Ивану Тургеневу прошу передать мой усердный поклон и благодарность за письмо к Сербиновичу, который принял во мне большое участие» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 16). Несмотря на выражение благодарности за поддержку в столице, Попов не спешил воспользоваться рекомендательными письмами. «После моего недавнего здесь пребывания мне так хочется запереться в четырех стенах, что, несмотря на привычку делиться мыслью и словом с другими, я, кажется, сделаюсь отшельником. Перед Вяземским, у которого точно мне бы хотелось бывать чаще, я виноват, если меня не оправдывает мое нездоровье. Впоследствии я надеюсь навещать попостояннее» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 15).

В письмах время от времени проскальзывает негативное отношение Попова к чиновному и холодному Санкт-Петербургу. В столице все ему кажется очень однообразным, а люди — похожими друг на друга. «Правда, из-под общего уровня выступают некоторые лица, более или менее замечательные, но и те замечательные своеобразно, иначе, нежели где-либо» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 16).

Друзья, стремясь спасти Попова от одиночества в столице, пытались уговорить его перейти на службу в Курляндию. В этом направлении особенно старался Ю.Ф. Самарин, который сам служил в Риге и хотел видеть Попова своим товарищем по службе. Он предлагал Попову занять место правителя

канцелярии генерал-губернатора [7: XII, с. 284]. В следующем письме Самарин упрекает Попова в нежелании дать четкий ответ относительно сделанного ему предложения, а вместо этого передает это же предложение одному из общих знакомых, который и связался с Самариным, выразив свое согласие занять должность [7: XII, с. 285].

Этот давно известный из писем Самарина факт подтверждает и сам Попов в одном из писем к Свербеевой: «Он (Самарин. — М. Б.) с Хомяковыми призывали меня в Ригу правителем канцелярии к Генерал-губернатору, но я отказался и на свое место рекомендовал им Барановского (товарища Аксакова по школе Правоведения), от которого я знаю об Самарине» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 22).

3 декабря 1845 года скончался А.И. Тургенев. Свербеева сообщала своему корреспонденту о событии, бывшем за несколько дней до его скоропостижной кончины: «Как здоров и хорош он был все последнее это время. Не жаловался было почти совсем, свеж и молод глядел он последние недели. Как бодр и словоохотен, блистательно у меня он был те последние вечера. Я слушала его и тихо радовалась полноте умственных способностей. Добрый Тургенев. Два дня до его кончины были мы вместе на лекции Грановского — он был ей очень доволен, записывал ее и хвалил мне так живо» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 16). Она просила Попова принять участие в разборе тех документов, которые остались от покойного Тургенева.

Славянофилы сожалели о смерти Тургенева, несмотря на разницу в их взглядах. А.С. Хомяков отмечал доброту покойного и его любовь к людям [8: с. 250]. С большой симпатией писал о Тургеневе в письме к Хомякову В.А. Панов: «Как прожил жизнь свою Тургенев, так и кончил ее: его последняя мысль была доброе дело. 3-го декабря он в 4-м часу был на почте, в пятом, возвратившись домой, он писал К[атерине] А[лександровне] записку, где говорил о Своехотове, что нам надобно тотчас о нем подумать. В 7-м часу он скончался ударом» [2: с. 29].

Болезнь и смерть Валуева, а также кончина Тургенева наложились для Свербеевой на болезнь одной из дочерей, а все вместе эти обстоятельства повлияли на ее состояние. В письме Попову она жалуется: «Грустная весть о Валуеве меня сильно расстроила; кончина Тургенева и хлопоты последовавшие озаботили меня, а после болезнь моей Ольги меня утомила; у ней была горячка и рожа (т. е. воспаление. — М. Б.) на голове, продолжалось две недели и не давало мне часу свободного от ужасной тоски. Опасность миновала только вчера. Она слаба и будет выздоравливать медленно — но все слава Богу выздоравливает» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 22).

Екатерину Александровну, тяжело переживавшую смерть Тургенева, старались утешить не только друзья, но и родственники. Чаадаев написал ей проникновенное и успокаивающее письмо [9: с. 180–181].

В указанном эпистолярном собрании нашли свое отражение и события личной жизни обоих корреспондентов. В одном из писем Свербеева поздравляет

Попова с грядущей женитьбой: «Поздравляю вас Александр Николаевич от всей души. Вы знаете, как искренно люблю я вас, знаете и то, как весело было мне узнать о вашем счастье. Поручаю себя дружбе вашей невесты, и нетерпеливо буду ждать познакомиться с нею. К сожалению, должна отказать вам быть у вас на свадьбе матерью посаженной. Мое здоровье не позволяет мне этой поездки далекой» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 4).

Свербеева информирует своего адресата о подробностях их жизни. В ее письмах находится место рассказам об обычных делах ее семьи. «Давно хотелось мне написать к вам, Александр Николаевич, но болезнь все мешала мне, все это время. Вот ровно месяц, что я в Москве, приехала на несколько дней, а осталась безвыездно, жила неделю за неделей, ожидая выздоровления — оно не приходит и доктор решил, чтобы я совсем осталась здесь до переезда семьи моей, которая еще пробудет недели с две в Солнышково. Деревня весьма полезна, я одна не умела ей воспользоваться. Мне теперь получше, тем, что не хуже. Со временем, вероятно, я поправлюсь. Мне не в диковинку болеть» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 9).

«Муж мой в нашей Подмосковной, я живу здесь для экзамена Николеньки. Мы наняли дачу возле Симонова монастыря — в Симоновской Слободке. Вид у нас на Москву чудесный» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 7). В этом же письме она делится с Поповым своими размышлениями о судьбе издательских проектов славянофильского кружка: «Весело смотреть, что составляется и 2-й том («Московского сборника». — М. Б.), пускай неистовая критика “Отечественных Записок” уничтожает Московские Сборники. Книга всякая стоит за себя и ни мало не убывает от нее завистью противников. Жаль собственно их. Что скажете Вы о критике Кавелина на “Исторический Сборник”? Какая бесстыдная ложь» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 7).

В одном из следующих писем она вновь обращается к критической статье Кавелина. Но к этому времени эта статья уже вызвала полемику между Кавелиным и Т.Н. Грановским, с одной стороны, и Хомяковым — с другой. В данном случае симпатии Екатерины Александровны оказались всецело на стороне близкого ей Хомякова: «Мне очень досадно, что завязался этот спор печатный между Хомяковым и Грановским, по-моему, оба не правы выставлять себя в таком свете, как выставляют и браниться так не хорошо и не благородно. Конечно, виноватее Грановский, потому что выступил непрошенный и не вызываемый. Теперь же его статья в московских газетах просто неприлична; не должно, по моему мнению, являться имя Грановского под такой статьёй, какова его статья. Его личность, всегда прекрасная, должна быть им сбережена таковою и не выходить из приличия благородного его характера, а тут он сердится, нападает, придирается» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 45).

Освоившись в столице, Попов всем, чем только мог, помогал детям своих друзей. Екатерина Александровна, заботясь о старшем сыне Николае Дмитриевиче, который собирался после окончания учебы в университете поступать

в Петербурге на службу, пишет: «Мне не нужно просить у вас радушного приема сыну моему, я уверена, что Вы ему будете родные на чужой стороне. Он отправляется в Петербург по вашему совету. Конечно, недурно ему будет свыкнуться с будущим его Начальником и поглядеть на Петербург» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 5).

В середине 1850-х годов Свербеева просит своего адресата как человека, ставшего уже «коренным петербуржцем», помочь другим своим друзьям: «Не откажите, любезный Александр Николаевич, помочь Ивану Васильевичу Вишневному, подателю сих строк, вашим покровительством. Он служит в Пензе старшим надзирателем и вместе старшим учителем при Пензенском Дворянском Институте, имеет чин Надворного Советника. Он желает служить по другому Министерству. Меня просит похлопотать о нем добрая моя приятельница Бекетова» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 617. Л. 12).

Попов в своих письмах делится со Свербеевой сведениями, полученными им от общих друзей: «Самарин мне говорил, что Ваши пятницы усердно посещает Герцен, сей корреспондент Белинского. Вы не может себе представить, какие глупые и нагло выдуманные вещи он сообщает сюда о славянах» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 26). Данное сообщение о Герцене довольно любопытно. В своих мемуарах «Мои записки» [6] и в специально посвященном Герцену мемуарном очерке «Воспоминания об Александре Ивановиче Герцене» [6: с. 502–508] Свербеев не упоминает о том, что в 1830–1840-е годы Герцен посещал его дом. Но о своем посещении дома Свербеевых, который раньше принадлежал одному из его родственников, пишет сам Герцен в «Былом и думах»: «Мне опять случалось бывать в нем на вечерах у Свербеева, спорить там о панславизме и сердиться на Хомякова, который никогда ни на что не сердился. Комнаты были перестроены, но подъезд, сени, лестница передняя — все осталось» [4: VIII, с. 112].

Попов сообщал Свербеевой новости о заграничных путешествиях их друзей: «От Катерины Михайловны [Хомяковой] я получил письмо из Эмса и, сверх того, знаю об них из писем Жуковского и Графини Виельгорской. Жуковский пишет к Вяземскому, что он жил вместе с Хомяковыми в Эмсе и что Кат[ерина] Мих[айловна] здорова и доктора вообще говорят, что болезнь неважная; а графиня Виельгорская пишет своим, что надеется быть вместе с Хомяковыми в Остенде, стало быть, они будут там» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 22).

Итак, введение в научный оборот собрания переписки Попова со Свербеевой добавляет дополнительные важные черты к нашим представлениям о повседневной жизни московского славянофильского кружка. В письмах мы видим подробности их отношений между собой. Трогательную заботу о больном Валуеве, желание семьи Свербеевых поддержать своего друга Попова в незнакомом и враждебном ему Петербурге. Находит свое отражение в письмах работа над различными издательскими проектами славянофильского

кружка — «Московскими сборниками», журналом «Москвитянин» — в то непродолжительное время, когда его редактировал И.В. Киреевский. С течением времени в их письмах заметны определенные изменения. В них начинают занимать большое место просьбы помочь различным знакомым и теплые искренние поздравления со значимыми друг для друга событиями. Все это составляет разительный контраст с теми напряженными личными отношениями, которые существовали в кружках московских и петербургских западников.

Литература

1. А.И. Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. // Русская старина. 1882. Т. 34. № 5. С. 171–221.
2. А.С. Хомяков: Личность – творчество – наследие // Хмелитский сборник. Вып. 7. Смоленск: СГПУ, 2004. 376 с.
3. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888–1910. Т. III. 1890. 395 с.; Т. IV. 1891. 450 с.; Т. V. 1892. 533 с.
4. *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР. 1954–1960. Т. VIII. Былое и думы. 1852–1868. Ч. I–III. 1956. 517 с.; Т. IX. Былое и думы. 1852–1868. Ч. IV. 1956. 353 с.
5. Остафьевский Архив князей Вяземских: в 4 т. Издание Графа С.Д. Шереметева / под ред. и с примеч. В.И. Сaitова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899–1913. Т. III. Вып. I. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836 гг. 1899. 364 с.; Т. IV. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1837–1845 гг. 1899. 341 с.
6. *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М.: Наука, 2014. 942 с.
7. Сочинения Юрия Фёдоровича Самарина. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1911. Т. XII. Письма 1849–1853 гг. 494 с.
8. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1904. Т. VIII. Письма. 526 с.
9. *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. II. 672 с.

Literatura

1. A.I. Turgenev v ego pis'max 1827–1845 gg. // Russkaya starina. 1882. T. 34. № 5. S. 171–221.
2. A.S. Xomyakov: Lichnost' – tvorcestvo – nasledie // Xmelitskij sbornik. Vy'p. 7. Smolensk: SGPU, 2004. 376 s.
3. *Barsukov N.P.* Zhizn' i trudy' M.P. Pogodina: v 22 t. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1888–1910. T. III. 1890. 395 s.; T. IV. 1891. 450 s.; T. V. 1892. 533 s.
4. *Gercen A.I.* By'loe i Dumy' // Gercen A.I. Sobranie sochinenij: v 30 t. M.: Izd-vo AN SSSR. 1954–1960. T. VIII. By'loe i Dumy'. 1852–1868. Ch. I–III. 1956. 517 s.; T. IX. By'loe i Dumy'. 1852–1868. Ch. IV. 1956. 353 s.
5. Ostaf'evskij Arxiv knyazej Vyazemskix: v 4 t. Izdanie Grafa S.D. Sheremeteva / pod red. i s primech. V.I. Saitova. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899–1913. T. III. Vy'p. I. Perepiska knyazyza P.A. Vyazemskogo s A.I. Turgenevy'm. 1824–1836 gg. 1899. 364 s.; T. IV. Perepiska knyazyza P.A. Vyazemskogo s A.I. Turgenevy'm. 1837–1845 gg. 1899. 341 s.
6. *Sverbeev D.N.* Moi zapiski. M.: Nauka, 2014. 942 s.

7. Sochineniya Yuriya Fyodorovicha Samarina. M.: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1911. T. XII. Pis'ma 1849–1853 gg. 494 s.
8. *Xomyakov A.S.* Polnoe sobranie sochinenij. M.: Universitetskaya tipografiya, 1904. T. VIII. Pis'ma. 526 s.
9. *Chaadaev P.Ya.* Polnoe sobranie sochinenij i izbranny'e pis'ma. M.: Nauka, 1991. T. II. 672 s.

M.V. Batshev

**Correspondence between A.N. Popov and E.A. Sverbeeva
as a Source of Reconstruction of Everyday Life of the Moscow Slavophiles
of the 40–50s of the XIX Century**

The article deals with the complex of correspondence (epistolary sources) of the participants of the Moscow Slavophile circle of the 1840s and 1850s, which has not yet been fully put into scientific circulation. On the basis of these letters and the sources of personal origin already known in science, the author's reconstruction of individual episodes of the history of the existence of the Moscow Slavophile circle is proposed.

Keywords: A.N. Popov; E.A. Sverbeeva; Moscow Slavophiles; documents of personal origin; correspondence; source study; source.